

От издателя

Вашему вниманию предлагается работа российского филолога Владимира Юрьевича Полуботко. В своём фундаментальном труде он опирается на базу классической научной школы, следуя её представлениям о происхождении человека и его эволюции. Однако выводы, к которым он приходит, ставят под сомнение некоторые устойчивые догмы традиционной историографии и лингвистики. Его исследования наводят нас на мысль о том, что:

— Север Евразии был самостоятельным центром зарождения человеческой цивилизации, её культуры и языка, и не испытывал никакого влияния древней (библейской) цивилизации;

— Язык ариев был фонетически удивительно лаконичным и состоял всего из 200 основных корней, сохранившихся почти во всех современных языках индоевропейского происхождения;

— Имеется чёткая научная база считать русский язык одним из главных преемников древнего языка бореалов-ариев.

*Посвящаю памяти трёх человек,
в наибольшей степени повлиявших
на меня при написании этой книги:
моему отцу Юрию Полуботко,
великому русскому лингвисту Николаю
Дмитриевичу Андрееву и немецкому
антропологу Гансу Фридриху Карлу
Гюнтеру.*

От автора

*Если на свете чего-либо много, то,
несомненно, было такое время, когда
этого было меньше, ещё меньше... и
даже не было вовсе.*

Из размышлений

1. Цели и предварительные условия

Конечная цель моей работы — проследить во времени и пространстве происхождение индоевропейцев, используя в качестве путеводной нити их язык.

Говоря о становлении индоевропейского языка и того языка, от которого он произошёл, я исхожу из простого правила окружающей нас действительности: если на свете чего-

то много, то, как мне представляется, было время, когда этого было меньше, а ещё раньше — не было и вовсе.

Применительно к лингвистике это означает следующее: если мы допустим, что некий исключительно высокоразвитый народ имеет язык, состоящий из миллиона слов (пусть так!), то нам придётся допустить и то, что было время, когда этот народ пребывал на более низкой ступени развития и имел в своём распоряжении слов вдесятеро меньше. То есть: этот народ обходился всего лишь ста тысячами слов.

Ещё раньше он довольствовался десятью тысячами слов, потому что был менее развитым.

Ещё раньше у него была одна-единственная тысяча слов.

Ещё раньше — сотня.

Пятьдесят...

Двадцать...

Десять...

Ноль!

Ноль слов — это то, к чему мы придём таким путём со всею неизбежностью!

Точно то же самое можно будет сказать и о количестве идей (мнений, открытий): если некий народ имеет в своём распоряжении миллион важных идей, то, несомненно, было такое время, когда весь его багаж знаний состоял из ста тысяч идей, ещё ниже — из десяти тысяч, ещё ниже — из тысячи и так далее.

Если же не придерживаться этой точки зрения, то тогда придётся предположить, что описываемый умный народ возник внезапно, из ничего и по чьей-то воле. И с первого же момента своего существования имел в своём распоряжении развитый язык, состоящий из большого количества слов. И развитый багаж знаний, состоящий из большого количества этих самых знаний (идей, мнений, открытий, установок). В качестве подарка от каких-то вышестоящих инстанций, а не в качестве завоевания, добытого тяжчайшим умственным и физическим трудом на протяжении огромного количества поколений!

В рамках этого нового предположения придётся допустить и мгновенное возникновение жизни на Земле, и мгновенные возникновения планет, звёзд, галактик и многое-многое другое, что очень сильно расходится с моими представлениями о мире и в полемику о чём я ни с кем вступать даже и не собираюсь. Просто-напросто: тот, кто верит в волшебство, в колдовство, в возникновение предметов и явлений из ничего, а равным образом и в возможность их бесследного исчезновения, должен немедленно прекратить чтение этой книги и заняться чем-нибудь другим.

Именно с нулевой ступени я и хочу проследить возникновение и развитие раннего **ностратического** — по старой терминологии — языка. Или, как его ещё называют, **бореального** — в дальнейшем я буду придерживаться именно этого термина.

Итак, в моей книге речь пойдёт о **бореальном языке** — о том самом, из которого на более позднем этапе выделились **раннеиндоевропейский** язык и языки некоторых других народов — прежде всего, **уральских** (угро-финских) и **алтайских**. Уникальный **юкагирский** язык примыкает сюда же на правах отдельной особой единицы.

С огромными (я это подчёркиваю!) оговорками сюда же примыкают и языки коренных народов Чукотки, Камчатки, нивхский и корейский языки. Какое-то ещё более отдалённое отношение ко всему этому имеют языки эскимосов и алеутов. Какое именно — тайна. Скорее всего, во всех этих случаях речь идёт либо о слишком больших языковых потерях, при которых язык лишь условно может считаться бореальным, либо о некотором количестве приобретений — с бореальной стороны — в сторону небореальную.

Список бореальных языков может быть в будущем и расширен, но только за счёт отдельно взятых языков отдельно взятых народов — либо давно сошедших с исторической сцены и ныне не существующих (урартский, шумерский), либо притаившихся где-то за пределами Старого Света — в джунглях, в горах, в пустынях, в резервациях.

Пока же ничто не позволяет выйти за границы того Бореального круга, в котором поместились

- 1) индоевропейцы,
- 2) алтайцы,
- 3) уральцы и
- 4) юкагиры.

Ничто не позволяет говорить о пятом номере внутри этого круга! И лишь за его пределами, хотя и прижимаясь к нему — то почти вплотную, то не очень, — находятся те, кого я с большою долею сомнения назвал выше. Возможно, для них следует отчертить второй круг, но уже с пунктирными границами.

2. Реконструкция событий: вербальное — невербальное, бореальное — небореальное...

Если чего-то много, то было время, когда этого было меньше, ещё меньше и даже не было вовсе. Если существует что-то сложное, то было время, когда это сложное было проще и даже намного проще — вплоть до примитивности. Например, современный человек, предком которого раньше была обезьяна. Или обезьяна, предком которой раньше был одноклеточный организм в Первичном океане.

Поэтому я исхожу из того, что в истории человечества была эпоха, когда слов не было вовсе. Однако люди к тому времени уже были людьми, и они как-то же общались между собою. Люди ведь не хуже обезьян, которые, не имея в своём запасе ни единого слова, умудряются каким-то образом обмениваться между собою ценною информацией; примерно так же это делают и медведи, и волки, и дельфины, и вороны...

Улюлюканье, вой, свист, причмокивания, прищёлкивания языком, вопли, окрашенные в различные интонации, а кроме того, жесты, движения всем телом, кивки головою, гримасы — вот приблизительно те средства общения, которыми пользовались люди до возникновения членораздельной речи. Беспрерывная череда всё новых и новых событий ставила людей перед необходимостью постоянно оповещать друг друга о нахождении пищи, об опасности со стороны врагов или сил природы, о собственном гневе или недовольстве, о собственной радости... Они это самое и делали, всё более и более усложняя при этом систему существующих сигналов.

Только нам сейчас нужно понять, каких именно — неязыковых, невербальных!

Какие ещё в те времена могли быть сигналы, кроме перечисленных выше?

Ответ может быть только таким: никаких!

Однако на каком-то этапе стали получать преобладающее значение именно те из сигналов, которые произносились с помощью голосовых связок. Поначалу это были различные шумные формы выдоха воздуха из лёгких и гортани, но со временем особое значение получали и другие звуки, образованные другими органами речи: языком и его движениями во рту, губами, зубами, носом.

Кроме воя и криков различной степени громкости, которые были и раньше, стали появляться такие звуки, которые нынче можно было бы изобразить с помощью конкретных фонетических знаков — тех самых знаков, которые, когда их станет больше, начнут аккуратно укладываться в строгие таблицы, где звуки различаются по звонкости-глухости, мягкости-твёрдости, по способу образования и по многим другим признакам.

Я исхожу из того, что вначале звуков именно такого качества было очень мало — всего несколько, позже их стало больше, позже — ещё больше... Позже эти звуки стали складываться между собою в конструкции — сначала в простые, потом — в сложные, позже — в очень сложные... И всё это время действовали и прежние способы общения с помощью жестов и интонаций. Их никто не отменял, но их роль медленно, но верно шла на убыль.

По мере всех этих процессов всё более усложнялись чисто языковые средства общения: появлялись всё новые и новые слова, возникали новые части речи, грамматические явления и т.д. и т.п. Всё это давным-давно всем известно и понятно. Моя задача состоит совсем не в том, чтобы говорить о вещах понятых и открытых ещё задолго до появления на свет родителей моих родителей. Она намного конкретнее: проследить возникновение раннебореального языка ОТ НУЛЕВОЙ ТОЧКИ до той более высокой ступени, когда из него выделились **раннеиндо-**

европейский язык и другие ранние языки **бореального (ностратического) сверхсемейства** языков.

Ранняя индоевропейская ступень — это та самая, которую описал в своей работе выдающийся русский лингвист **Николай Дмитриевич Андреев**. Ступень, на которой индоевропейский праязык обладал, по его мнению, всего лишь двумястами тремя смысловыми единицами. Скажем пока так: это было 203 корневых слова.

Естественно, что при таком подходе останутся без особого внимания все те остальные языки мира, которые не ведут свою родословную от языков бореального происхождения. Это языки народов Северной и Южной Америк, Африки, Новой Гвинеи, Австралии, Океании, многих народов Азии и некоторых народов Европы. В последнем случае я имею в виду так называемые палеокавказские языки, они же, по другой терминологии, синокавказские.

И это не есть досадное упущение моей работы, это просто такая постановка вопроса: я не собираюсь посягать на общемировой масштаб, у меня очень узкая и чёткая задача.

3. От Фердинанда де Соссюра до Николая Дмитриевича Андреева

Сначала был великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857—1913), которого называют отцом лингвистики 20-го века. Я бы его назвал ещё и отцом серьёзной индоевропеистики. Затем был француз Антуан Мейе (1866—1936). Потом появился их ученик — выходец из Сирии — Эмиль Бенвенист (1902—1976), который, развивая идеи Фердинанда де Соссюра, сделал в 1935-м году открытие о строении раннеиндоевропейского корня. Он, по утверждению Бенвениста, мог состоять только и только **из двух согласных**. Двусогласный или **биконсонантный** корень — вот то, с чего всё начиналось!..

Открытие Бенвениста нуждалось в расширении, в проверке, в обосновании, в дальнейшей разработке. И вот, уже после Второй Мировой войны русский лингвист Николай Дмитриевич Андреев, зажжённый идеей о **биконсонантности** раннеиндоевропейского корня, проделал огромный труд — длиною в три десятилетия! — и вывел науку об индоевропейском языкознании на качественно новый уровень.

Впервые у наших современников появилась возможность увидеть тот ранний и, как кажется, до крайности примитивный язык, на котором говорили далёкие предки славян и римлян, греков и индийцев, армян и албанцев, германцев и кельтов, литовцев и иранцев 30—40 тысяч лет тому назад! Это были **203 слова**, каждое из которых состояло из **двух разных согласных** и одного гласного между ними, не имевшего самостоятельного значения и служившего лишь для связки этих самых согласных.

История химии делится на то, что было ДО возникновения таблицы Менделеева и на то, что наступило в этой науке ПОСЛЕ появления таблицы. Вот так же точно и наука об индоевропейских и других бореальных языках делится на две эпохи:

на ту, что была ДО великого открытия Н.Д. Андреева, и на то, что наступило ПОЗЖЕ.

Я бы назвал ещё двух гигантов индоевропейского языкознания: это Борис Владимирович Горнунг (1899—1976) — он из российских немцев — и Виктор Владимирович Мартынов (1924—2013). И ещё одно имя — уже не столь большое, но всё же значительное: Алексей Нилович Савченко (1907—1987).

Личность Бенвениста у меня вызывает некоторые сомнения и, по разного рода причинам, о которых я здесь говорить не хочу, наводит на тяжёлые раздумья; все остальные вызывают моё полное восхищение. И всё же законодателей и пророков индоевропеистики я бы назвал только двух: это Фердинанд де Соссюр и Николай Дмитриевич Андреев.

И ещё: метод, которым пользовались перечисленные лингвисты, называется **компаративистикой**. То есть: методом сравнительно-исторического анализа. Соответственно и такие лингвисты называются компаративистами.

4. Попытки разгрома индоевропеистики

В годы правления Брежнева в нашей стране возникло направление языкознания, которое я считаю ложным, а потому безнравственным. Возможно, я ошибаюсь, но я бы назвал основоположником этого направления Владислава Марковича Иллича-Свитыча (1934—1966). Это была зловещая и таинственная фигура.

Называя вещи своими именами, скажу так: с приходом Брежнева начался ползучий разгром отечественной индоевропеистики. Все серьёзные исследования потихоньку сворачивались и столь же потихоньку заменялись на видимость научной деятельности или даже откровенную фальсификацию в духе Иллича-Свитыча.

Очень коротко (и в моём вольном пересказе) суть учения всех языковедов-индоевропеистов этого направления брежневской эпохи сводится к следующему.

Отличительною чертою белых аборигенов древней Европы является их **умственная неполноценность**. Эта неполноценность — единственная в своём роде, и аналогов ей на нашей планетене зарегистрировано.

В силу своего феноменального скудоумия, эти самые аборигены были не способны самостоятельно прийти к созданию собственного языка и потому получили его в дар от выходцев из других регионов и от людей с другим расовым типом — более счастливым в умственном отношении. А именно — то ли от смуглых жителей Передней Азии и Аравийского полуострова, то ли от темнокожих выходцев из Индии, то ли от монголоидов Азиатского континента...

Своего собственного языка у людей североевропейского или нордического расового типа — или вообще никогда не было, или же он когда-то и был, но затем **бесследно** исчез.

Бесследно — это означает, что нигде и ни в каком виде он теперь не встречается на поверхности Земного шара.

Служители данного направления настаивают на этом последнем самым категорическим образом. С помощью простого умолчания они бьются за эту идею с таким остервенением, как будто от этого зависит что-то очень важное в их жизни...

Между тем, на нашей планете существует, по разным оценкам, то ли три, то ли пять рас:

- Европеоидная,
- Монголоидная,
- Негроидная.

Есть мнение, что Австралоидная раса является не ответвлением Негроидной, а совершенно самостоятельным, четвёртым по счёту расовым явлением. Подобным же образом мнения разделяются и по поводу Американской ветви Большой Монголоидной расы. Существует мнение, что индейцы — это отдельная человеческая раса...

Так вот: монголоиды, негроиды, австралоиды и индейцы обеих Америк говорят как на чужих языках, взятых откуда-то со стороны, так и **на языках своего собственного происхождения**. Это последнее означает, что они люди умные и в принципе способны на создание своих собственных языков. То, что они их не всегда удерживают и переходят порою на языки чужого происхождения, — вполне естественный процесс, возникающий в ходе трений и передвижений по Земле всевозможных национальных и расовых групп, различающихся между собою численно или в культурном отношении.

И лишь одна-единственная человеческая раса — Европеоидная — якобы не смогла достичь таких вершин в своём развитии. Голубоглазые блондины не смогли создать языка собствен-

ного производства и обратились за помощью к услугам каких-то других рас. А каких именно — это уже не столь важно — это дело вкуса каждого отдельного автора каждой отдельной лингвистической фальшивки.

Манифестом расистского направления в советском языкознании является грандиозный двухтомный труд со следующими исходными данными:

Т.В. Гамкредидзе, В.В. Иванов.
Индоевропейский язык и индоевропейцы.
Издательство Тбилисского Университета.
Тбилиси, 1984.

Главная мысль тбилисского двухтомника заключается в следующем:

- индоевропейцы произошли из библейских мест и относительно недавно — примерно несколько тысячелетий тому назад; произошли — это означает: внезапно возникли; где они были за десять тысяч лет до этого или за пятьдесят — неизвестно и неважно...
- в их языке якобы содержится множество слов, которые подтверждают их бывшее существование на фоне высоких гор, пустынь и солёных озёр...
- расовый облик этих детей пустыни был переднеазиатским — об этом говорится совершенно недвусмысленно на тот случай, если кто-то из простодушных читателей всё же подумает, что это были высокие голубоглазые блондины...
- перейдя из района Вавилона в Европу, эти так называемые «индоевропейцы» и впрямь встретили на завоёванной земле светловолосых и голубоглазых аборигенов и осчастливили их своим языком, который те приняли с благодарностью, так как ничего путного у них до этого не было...
- на протяжении всей своей истории индоевропейцы подвергались мощному просветительскому воздействию со

стороны превосходящих их в культурном отношении семитохамитских и картвельских народов, которые всё это время курировали индоевропейцев...

- народы уральского языкового семейства с особенным удовольствием брали в рабство именно арийцев; делали они это настолько часто и успешно, что само слово «ариец» у них превратилось в синоним рабства...
- в Западной Европе существует множество каких-то мегалитических сооружений; поскольку научно доказано, что эти камни обтёсывались и складывались не таким способом, как это делалось на Ближнем Востоке, то, стало быть, эти строители никак не могли быть индоевропейцами, ибо жителям Европы не свойственно додумываться до чего-либо умного самостоятельно — всякую технологию (например, язык) они могли взять только из библейских мест и ниоткуда больше; это означает, что эти камни были обтёсаны и поставлены какими-то другими племенами, неизвестной породы...
- индоевропейцы в той или иной степени родственны или как-то близки семитохамитским и картвельским народам, а также и темнокожим индийским дравидам и имеют с ними очень много общего в языке...

По поводу последнего. Дравидологи издавна ломают голову над тем, откуда взялись дравидийские языки и кому они родственны. Вроде бы нащупали какое-то отдалённое родство с древним эламским языком, который и сам неизвестного происхождения, но и это призрачное родство ничего не объясняет и тонет в густом тумане. И только у Иванова и Гамкрелидзе уже всё давным-давно открыто: дравиды свалены в одну ностратическую кучу с индоевропейцами, семитохамитами, угро-финнами и картвелами.

Совершенно особо хочется выделить раздел их книги, посвящённый так называемой глоттизации (по другой терминологии, это «глоттализация»). Поясню: это такой особый